

Известия. - 1988. - 18 сент. - с. 5

Жорж Сименон:

НЕ ТЕРЯТЬ ТОЧКУ ОПОРЫ

В субботу утром меня пригласил приехать к себе в Лозанну Жорж Сименон.

Уже свернув с дороги в узкую безмянную улочку с одноэтажным домиком Сименона с крошечной мансардой под черепичной крышей, я столкнулся с пареньком с картонной коробкой под мышкой. «Мсье, вы не скажете, где здесь дом двенадцать по улице Фигье?» — по его вопросу я понял, что мы оба идем по одному и тому же адресу. Мой юный попутчик Франсуа сообщил, что он учится в лицее, а в свободное время подрабатывает в качестве рассыльного в табачной лавке. На этот раз ему доверили ответственное поручение — доставку курительных трубок Сименону. «Писатель сдавал их в чистку, работа была выполнена не только в срок, но и бесплатно, ведь для хозяина небольшой лавки большая честь получить заказ от такого известного писателя, как Сименон», — поясняет Франсуа.

Получив чаевые, он быстро ушел, а я стал помогать Сименону раскладывать на широкой каминной полке его трубки. Он был в хорошем настроении и напевал мотив «Очи черные». «Помоему, это одна из любимых песен ваших соотечественников», — заявил Сименон и рассказал, что русские студенты и эмигранты, проживавшие в маленьком дешевом семейном пансионе в Льеже, содержащемся матерью писателя в далекие годы — еще до революции в России, в минуты отдыха за бутылкой дешевого вина с особым подъемом напевали эту хорошо запомнившуюся ему песню.

Сименон выглядит бодро, много шутит, оживленно комментирует последние события в мире, но недуг сделал свое дело — все чаще писателю приходится передвигаться, используя кресло-каталку. «С помощью этого «роллс-ройса», — шутит он, — я научился передвигаться не только по квартире. Моя верная спутница Тереза, опекающая меня вот уже 27 лет, помогает мне «выезжать» в парк на набережную Уши, где я еще совсем недавно так много бродил, обдумывая главы своих воспоминаний. В хорошую погоду мы даже отваживаемся на «дале-

кие» поездки — в так любимые уютные кабачки и бистро, где я люблю наблюдать за общением и поведением незнакомых мне людей. Иногда мне кажется, что некоторых из них я знаю очень давно — это потому, что они похожи на героев моих романов».

«А не приходилось ли вам встречаться с самым главным героем — комиссаром Мегрэ?» — в шутку спрашиваю Сименона. Задаю ему этот вопрос не случайно — ведь вслед за 85-летием писателя, отмечавшегося в феврале, близится юбилей главного и, пожалуй, самого популярного героя его произведений. Знаменитый комиссар Мегрэ появился впервые в 1929 году в романе под названием «Питер-Латыш». «Знаете, — реагирует на мою шутку Сименон, — я начинаю завидовать Мегрэ. О его близящемся юбилее читатели напоминают мне в письмах гораздо чаще, чем это было накануне моего собственного».

Он вспоминает о том, как возникла идея «введения» в его произведения образа Мегрэ. «Простотой, четкостью и лаконичностью писательского стиля я овладел благодаря Чехову, к произведениям которого люблю обращаться еще и сейчас. Но я чувствовал, что мне, как автору, недостает тесного и непосредственного контакта и общения с читателем. В конце концов выход я нашел в создании образа Мегрэ. С его помощью мне было не только легко все объяснить читателю, — рассказывает писатель, — Мегрэ можно было послать куда угодно, он мог появиться по замыслу автора в самый неожиданный момент, выяснить любой вопрос, объяснить читателю самую трудную и запутанную ситуацию».

Переведя разговор в русло последних событий, Сименон интересуется работой женеvского Дворца наций, расспрашивает о том, как развиваются переговоры о разоружении после прогресса, достигнутого в отношениях между СССР и США в области сокращения ядерных вооружений, в частности ликвидации ракет средней и малой дальности. Объясняя ему, что для продвижения вперед на этом пути имеются все необходимые предпосылки, идет поиск приемлемых для двух сторон решений... «Главное, как мне кажется, — говорит Сименон, — не терять точку опоры в вопросе о взаимном доверии и ликвидации ядерного оружия, найденную лидерами Советского Союза и Соединенных Штатов в Женеве и закрепленную в ходе их встреч в Рейкьявике, Вашинг-

тоне и Москве. Нельзя допустить, чтобы в коридорах женеvского Дворца наций снова бродил «Франкенштейн», — улыбаясь говорил он. Заметив мой вопросительный взгляд, поясняет: — В годы «холодной войны» и особенно опасного накала в международных отношениях в результате антикоммунистических кампаний, раздуваемых на Западе, аккредитованные в Женеве журналисты-международники шутили: в коридорах Дворца наций в сумерки бродит призрак «Франкенштейна». Это на редкость удачная аллегория, — говорит он, — ведь порожденный человеческим гением могучий ядерный монстр время от времени грозит выйти из-под контроля и может однажды смести с лица Земли своего создателя».

«Когда я слышу наивные аргументы в защиту создаваемой США космической программы «звездных войн», в соответствии с которой предусматривается опоясать Землю размещенными в космосе ядерными зарядами, как елку гирляндой лампочек, я думаю о том, каким трагическим может быть финал этой затеи для человечества, если однажды произойдет короткое замыкание в этой «гирлянде». На фоне участвовавших в мире катастроф экологического и технического происхождения, связанных с ошибками типа Чернобыля, эта угроза особенно очевидна.

Помните, в беседе со своим создателем — доктором Франкенштейном, который, кстати, родился в Женеве, порожденный им монстр заявляет: «Ты мой создатель, но я твой господин. Покорись!» Мне кажется, — продолжает писатель, — что в этих словах скрыт символический смысл».

Затянувшийся на несколько часов визит к Сименону подошел к концу. Названная им «ангелом-хранителем» Тереза уже подавала мне условный знак, что писатель устал и пора бы откланяться...

Ю. КОСИНСКИЙ,
соб. корр. «Известий».

ЛОЗАННА — ЖЕНЕВА.

□ □

Жорж Сименон не любит позировать перед объективом. Фотографируется он всегда без большой охоты. Чаще стремится избежать этого неизбежного «бремени славы». Однако он согласился сняться для читателей «Известий», учитывая свои давние связи и симпатии к нашей газете.

Фото автора.